
ГЛАВНЫЕ МЫСЛИ ЭТОЙ КНИГИ

*Начала нет, потому что прошедшее бесконечно,
а конца нет, потому что будущее бесконечно.*

*Наш Бог (Космос) есть вечный,
неизменяемый, живой, а мы — его части
и, значит, подобны ему. Можем ли мы
перестать жить, если целое всегда живо!*

*Смешно думать, что известный нам вещественный
мир ограничивается только тем, что мы знаем.*

*Первопричина рождает Космос, Космос — высших
разумных существ и между ними одного верховного.
Разумные существа производят истину.*

*Все порождено Вселенной.
Она — начало всех вещей, от нее все и зависит.
Человек или другое высшее существо и его воля
есть только проявление воли Вселенной.*

*Жизнь, в общем, блаженна в Космосе,
только мы об этом не знаем и не догадываемся.*

ГЛАВНЫЕ МЫСЛИ ЭТОЙ КНИГИ

Не могут управлять мирами две воли, ибо борьба их невыгодна миру. Одна из них, лучшая, победит, одна останется; в противном случае они друг друга взаимно уничтожат и не будут существовать.

Переживаемая сейчас земная людская горесть есть одна капля в море будущего безоблачного счастья Земли.

Жизнь непрерывна, счастлива, могущественна, никогда не прекращалась и никогда не прекратится.

Человечество неразумным и жестоким отношением к гению, таким образом, только наказывает само себя.

Благой совет так же материален, как и поданный голодному кусок хлеба.

Истинная же абсолютная воля и власть принадлежат Космосу — и только ему одному. Он единый наш владыка.

Об этой книге

Константин Эдуардович Циолковский (1857—1935) — великий русский ученый, философ и педагог, основоположник теоретической космонавтики, обосновавший использование ракет для полетов в космос.

Данное издание посвящено космической философии Циолковского — ее Константин Эдуардович считал наивысшим достижением своей жизни, тогда как исследования в области ракетной техники и космонавтики — только как сферу применения идей об освоении Вселенной.

Мировоззренческими основами Циолковского были принципы панпсихизма — представления о всеобщей одушевленности природы; монизма, согласно которому разнообразие объектов в конечном счете сводится к единому началу или субстанции; единства человека и Вселенной и такого отношения человека к миру, которое предполагает коренные преобразования Земли, космоса и самого человека с помощью разума.

Константин Эдуардович называл себя «чистейшим материалистом» и подчеркивал: «Чтобы понять меня, вы должны совершенно отрешиться от всего неясного, вроде оккультизма, спиритизма, темных философий, от всех авторитетов, кроме авторитета точной науки».

Статьи и очерки, опубликованные в нашем издании, помогут читателю лучше понять космическую философию К. Э. Циолковского — сложную, зачастую небесспорную, но оказавшую огромное влияние на развитие всей человеческой цивилизации.

ПЕРВОПРИЧИНА

ПРЕДИСЛОВИЕ

Написана эта работа 12 лет тому назад. С тех пор мои взгляды на все расширились, и написал бы я то же теперь иначе. Но переделывать — значит все испортить. Пусть написанное выразит состояние моего ума в 1918 г. Мысли недурные, и повредить они никому не могут. В общем, я думаю и теперь так же, но изложил бы только понятнее, шире и научнее. Со-знаюсь в некоторой догматичности и предвзятости. Под духовностью подразумевается постоянство, неизменяемость, например неотъемлемая и вечная способность материи жить.

ЭВОЛЮЦИЯ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О БОЖЕСТВЕ

Бог есть представление о ком-то сильном, вечном, неизвестном, властителе наших судеб, карателе, распорядителе, судье, создателе Вселенной, благодетеле и т. д.

Подобные представления субъективны, и у каждого имеется свое собственное, отличное от представления другого существа. Можно сказать, что *Бог есть произведение мысли,*

создание человеческого ума, воображения, знания — вообще, произведение сознательного существа (человека или иного). В то же время представление о Боге есть и порождение Первопричины, так как это представление явилось во Вселенной, созданной Первопричиной.

Итак, наши представления о Боге созданы самим Богом. Если они разноречивы и несовершенны, то ведь и все сначала бывает таким. И статуя и картина бывают вначале неясны, плохи и неполны.

У Лейбница¹ замечателен чистый спиритуалистический монизм, захватывающий даже Бога. В его глазах Бог есть наиболее совершенная монада, высшая мыслящая точка мира. Души существ суть другие монады. Они бесконечно разнообразны по своему достоинству и склонны к развитию, но, однако, никогда не могут достичь высоты развития главной монады. На это Лейбниц кладет свой запрет. Также монады не могут понижаться в своих качествах, а могут лишь повышаться. Кроме монад, в Космосе ничего нет. Живое существо составлено из множества разнородных монад.

Очевидно, это воззрение есть результат неясного представления о зависимости психического мира от организации материи — пренебрежение этой организацией и присвоение ее свойств монадам. Также сказывается влияние господствующих религиозных взглядов, уклониться от которых в то время было далеко не безопасно.

У нас нет цели разбирать несообразности этой философии. Но обращает внимание гениальная мысль о единстве

¹ Готфрид Вильгельм Лейбниц (1646—1716) — немецкий (саксонский) ученый-универсал, философ, логик, математик, механик, физик, юрист, историк, изобретатель, языковед и дипломат. Согласно философии Лейбница основаниями существующих явлений, или феноменов, служат простые субстанции, или монады. Все монады просты и не содержат частей, их бесконечно много.

Бога и Вселенной. В самом деле, не есть ли эти высшие силы, существование которых еще не доказано, хотя об этом очень хлопочут верующие, спириты и оккультисты,— не есть ли они результат самого Космоса или часть его? Как он послужил причиной выделения и более высоких существ, дошедших в своем совершенствовании до идеальных свойств воображаемого человеком Бога? Мы предполагаем тут естественную эволюцию. О ней же говорит и Лейбниц, хотя его эволюция непонятна.

Ведь бесконечность времен повторялась бесконечное число раз. Было достаточно для Вселенной досуга, чтобы создать самые непостижимые существа с самыми непостижимо высокими свойствами. Если же вам мало какого-либо дециллиона веков, то прибавьте еще столько же и сделайте это сколько угодно раз. Должно же что-нибудь выйти! Надо только ясно понять — так ясно, как Фламарион¹,— что такое есть бесконечность пространства, времени и материи.

Чтобы быть последовательным, разумеется, нужно допустить существование многих существ разной степени совершенства, более или менее недоступных чувствам человека.

Странно и узко бы было признавать только то во Вселенной, что доступно нашим чувствам. Нам были доступны недавно, до изобретения телескопов, только 5 тысяч звезд, остальные 1000 миллионов звезд Млечного Пути скрывались для нашего несовершенного зрения. Нам был так же недоступен мир бактерий и инфузорий. Что же, разве их не было до изобретения микроскопов?! Наука каждый год открывает что-нибудь новое, бывшее до этого недоступным для нашего ума или чувства. Значит, мир все более и более раскрывается

¹ Камиль Никола Фламарион (1842—1925) — французский астроном, писатель и популяризатор науки.

для нас. Есть ли пределы этому развертыванию Космоса? Какие тайны он еще скрывает!

Мы видим, что природа как будто делает огромные прыжки: мы знаем только эфир, электрон, водород и т. д. Это же ряд невообразимых скачков! Неужели нет и промежуточных газов, с промежуточной плотностью? Они только не открыты, а должны быть. Мы знаем твердые тела приблизительно плотности воды, немного менее плотные или раз в 20 более плотные, чем вода. Но неужели нет твердых тел иных плотностей, например в десятки, сотни и миллионы раз менее плотных, чем водород? Они должны быть открыты, потому что природа вообще не делает скачков. Теперь уже подозреваются в некоторых солнцах тела в сотни раз более плотные, чем известные нам.

Скачки только в пробелах нашего познания.

•
*Смешно думать, что известный
нам вещественный мир
ограничивается только тем,
что мы знаем.*
•

Есть и газы, и жидкости, и твердые тела бесконечно разнообразных свойств и плотностей. Есть и бесконечное количество разумных существ, составленных не так, как на Земле, и не из таких материалов.

Теперь рождается другой вопрос: *не должна ли быть между этими существами борьба, соперничество, взаимное истребление, как это мы находим в земном мире?*

Все это отчасти возможно, но *как в сознательном земном мире чувство вражды, в силу естественного и искусст-*

венного отбора, будет понемногу заменяться чувствами солидарности и единения под верховенством высочайшего избранного гения, так то же, и даже в высшей степени, неизбежно в мире несравненно более обширном и совершенном, чем мир земной.

Так вот этот высочайший избранный гений Космоса, созданный бесконечностью пространства, материи и времени, — не правит ли он Вселенной, с организацией помощи из подобных же высших существ? *Может быть, существует правитель у каждой солнечной системы, высший правитель у Млечного Пути, еще высший у их группы, плавающей в эфирной изолированной массе, и т. д. вплоть до самого высочайшего или гения Космоса. Но как его представить, когда Космос беспределен?!*

Все же остается открытым вопрос о причине появления самого мира, создавшего такого Бога.

Вообще о происхождении представлений о божестве могут быть следующие главные мнения:

1. Бог есть Первопричина Вселенной. Этот Бог уже будет что-то высшее мира, вне его и отличное от него.

Действительно, материя не творит материю. Вещество и энергия, насколько видит разум, во Вселенной постоянны. (Противоположное мнение экспериментально не доказано.) Если же они явились, то на то должна быть причина выше той, которую мы знаем. *Но если наука ее откроет во Вселенной, тогда и создание мира будет понятным без Первопричины.* Однако никогда не будет понятным существование такого, а не другого какого-нибудь мира. Можно же вообразить другую Вселенную, с иными свойствами, законами, другим распределением вещества, другим разумом, другой жизнью и т. д. Тут уж мы становимся впросак и решительно не можем отвязаться от идеи Первопричины Космоса.

2. *Бог есть совершеннейшая организованная часть мира*, обладающая мыслительной силой, совершенством, непостижимым для человека, — с таким же непостижимым всемогуществом и другими хорошими качествами. (*Эти свойства вполне естественны, но непонятны человеку по ограниченности его умственных сил.*) Кроме него, образовалась еще бесконечная лестница существ, более или менее близких к нему по их свойствам и находящихся в координации или согласии с ним. Такое представление о Боге имеет некоторое подобие с представлением о необыкновенном, добром и могущественном человеке.

Это весьма возможно. Но как же расстаться с необходимостью другого Бога — Первопричины?!

3. *Бог есть высочайшая (спасительная) идея*. Так идея о взаимной любви всего живого, о натуральном возмездии за уклонение от нее, о счастье, которое будет естественной наградой почитателей этой идеи, — есть с этой точки зрения Бог.

Таково было представление Платона о Боге. Это представление в разуме человечества будет непрерывно совершенствоваться вместе с его развитием. Оно должно сыграть громадную роль, так как должно послужить спасением человечества от всех невзгод — настоящих и будущих. Это есть путь к правде, истина, святой дух, причина жизни. Пока лучше всего этот путь изображен галилейским учителем.

4. *Бог есть самый мир (пантеизм)*. Это мнение узко и не для всякого разума удовлетворительно, а главное, оно совершенно бесплодно. Пантеизм не исключает вопроса: откуда же самый мир и почему он таков, как есть, а не другой какой-нибудь? Пантеисты возражат: и ваше учение не уничтожает вопроса о происхождении Первопричины и ее свойств. Мы скажем, что представление о Первопричине объединяет Вселенную, а ее изучение дает и понятие о свойствах Перво-

причины. Пантеизм бесплоден, потому что почитание Вселенной, как почитание Солнца, огня, звезд, быка или Земли, ни к чему не приводит и ничего человеку не дает, между тем как требуют жертв, как и всякое почитание.

Чем же они вознаграждаются? Пантеизм ничего не видит, кроме доступного нашим чувствам. *Учение же о Первопричине безгранично и готово преклоняться перед невидимым по мере его открытия. Первопричина предполагает скромность, ограниченность, даже ничтожество человеческого ума. И это бесполезно для него.*

5. *Бог есть известная человеку часть мира.* Некоторые проникаются мыслью, что все живое зависит от Солнца, что с его угасанием все погибнет. Поэтому *они Солнце делают главнейшим предметом своего поклонения. Но эта идея, созданная незнанием астрономии, ложна, потому что солнц множество.*

Какое же из солнц заслуживает почитания? Может быть, скажут, что почитания заслуживает наше Солнце, ближайшее, так как другие солнца не имеют для нас такого значения. Но тогда мы должны признать многобожие: сколько солнц, столько и богов. Кроме того, эта идея неплодотворна: почитание есть жертва, расход сил. Но что же она в данном случае человеку может принести? *Сохранить Солнце мы не можем и влияния на него никакого не имеем.*

Идея любви по крайней мере плодотворна. Поклоняющиеся ей пожинают плоды если не в настоящем, то в будущем. Это — поклонники истины, святого духа, или правды.

Ограниченность людей спускается еще ниже почитания Солнца: доходят до почитания коров, быков, крокодилов и других полезных животных. Разумеется, это так же бессмысленно и бесцельно, как и поклонение перед Солнцем. *Человек вообще склонен преклоняться и считать за Бога*

что-нибудь полезное, как, например, огонь, плодотворную почву, полезные растения. Мало смысла и в этом поклонении.

Почитание полезного, впрочем, не совсем бесплодно, если оно выражается только практическими заботами о существовании и поддержании полезного. Например, если заботятся о скоте, не истребляют бесцельно крокодилов, уничтожающих падаль (причину инфекционных болезней), то это не худо. Но если в виде жертвы бросают в огонь детей, то это уже безумие.

•
*Поклонение воображаемому
божеству вообще есть смесь
разумного с безумным.*
•

6. *Бог — человек, герой.* Более благородным предметом поклонения служили выдающиеся люди при своей жизни и после. Это были герои, представители мускульной силы, ловкости, красоты, ума, предводители, цари. После смерти, а иногда и при жизни они обожествлялись. Они оставляли впечатление, и люди даже некоторое время после смерти героев следовали их законам, правилам, примеру, мужеству и т. д. Так же благодетели человечества, учителя жизни, жертвовавшие собой из любви к людям, присоединялись к сонму богов.

Это почитание не было бесцельным, но приносило великие плоды и после смерти этих нравственных героев. Количество богов и предметов почитания увеличивалось. Но с течением времени смысл этого почитания терялся и Олимп с грохотом свергался с пьедестала, чтобы заместиться новым Олимпом.

7. *Бог — нечто таинственное.* Служило предметом поклонения и нечто таинственное — духи, привидения, умершие, но живущие особой жизнью родственники и герои.

Откуда взялась эта вера в духов, в таинственное, в иную жизнь? Один из источников этой веры есть развитое (но ограниченное современной наукой) биологическое понимание природы, какое мы излагаем в нашей этике, т. е. способность каждой частицы материи, взятой из любой части Космоса, под влиянием зародыша проявлять жизнь. *На этом основании все потенциально живо и мертвого ничего нет.*

Другой источник такой веры — смерть, сны, галлюцинации здоровых и в особенности больных. Этот источник ошибочен и есть результат незнания физиологии или медицины.

Но, может быть, есть и третий источник — действительно таинственные и непонятные явления (достоверность которых мы утверждать, однако, не можем). *Если их наука еще не признает, то это может быть только результат ограниченности наших сведений о Космосе и материи.*

Как бы то ни было, но человек охотно населяет природу добрыми и злыми духами, прекрасными и чудовищными вымыслами своего воображения и почитает их: добрых — с целью получить от них помощь, злых — с целью отклонить их немилость.

8. Бог есть красота. Картина, скульптурное изображение, идол, кукла также служили человеку предметом поклонения, так как люди представляли и изображали Бога, как о нем думали: в виде крокодила, быка, Солнца, человека и т. д.

Иногда было и преклонение перед силой творчества: прекрасной вазой, статуей, картиной, зданием. Было и преклонение перед красотой мира или человека. Предметов поклонения не перечить. *Все они большей частью не заслуживали того, что получали, а иногда были и источником великого зла, когда вызывали распутство, человеческие жертвы, жестокость и угодение дурным человеческим страстям.*

Из всех полезных для человека отвлеченностей преобладание с течением времени получила идея любви или взаимной

солидарности всего живого. Служители этой благотворной идеи действительно должны получить неоцененные плоды. Но эта идея толковалась так разнообразно, что у одних была источником жизни, у других — источником войн, казней и всякого безразудства.

У разных мыслителей встречаем разные представления о Боге. Часто у одного мыслителя два, три независимых друг от друга представлений.

Так, у Спинозы преобладало одно представление, пантеистическое, высокофилософское, но бесплодное. У галилейского учителя, напротив, с поразительной яркостью уживались три представления. Одно — как о Первопричине (Бог Отец); другое — как об идее любви (Дух Святой — дух истины); третье — антропоморфное, как о всемогущем существе, порождении Космоса, которое во всякий момент и во всякой степени может проявить свою силу (непосредственно или через сотрудников).

Первое представление философское и, пожалуй, как бы бесплодное в практическом отношении, второе и третье — чрезвычайно плодотворные.

Первое представление о Боге Отце, или Первопричине; чересчур отвлеченное, общее. Оно включает в себе многое, т. е., в сущности, и другие два представления. (Действительно, *так как Первопричина обуславливает все явления, все идеи, значит, она содержит и идеи солидарности, и все другие представления о Боге.*)

Второе представление есть Бог-истина, Бог-путь, Бог-жизнь, Бог-любовь, и потому его значение и важность первостепенны. *Оно дает всему существу справедливость, жизнь и блаженство.*

Третье представление учителя о Боге как о могущественном существе, как о лучшей части мира, о великом космическом царе, с бесчисленным множеством солидарных помощ-

ников и друзей — также плодотворно, потому что не оставляет человека в одиночестве, в слабости, в страданиях. *Оно дает уверенность, надежду, как человеку-послу, который надеется на своего государя или на свою страну: они не выдадут его, а каждую минуту готовы поддержать.*

Глупость, ненависть, заблуждение, дурные природные качества людей, окружающие гения-страдальца (необнаруженного благодетеля людей), не так уже его ужасают, не доводят его до падения, до отчаяния, до бессилия, до бездеятельности. На кресте он еще надеется, не упал духом и способен еще все прощать и молиться Первопричине о своих заблудших гонителях. Итак, третье представление дает человеку силу и надежду. Насколько оно истинно, мы решать пока не беремся.

Второе представление учителя — идея любви, разума и знания — рисует ему также светлое воплощение после мученической смерти, светлое и немедленное. Он знает и твердо убежден, что смертные его муки сольются с радостью блаженного возникновения. (Это выяснено в моей «Этике».)

У Будды одно представление — идея любви, распространяющаяся и на животных, но не довольно широкая, так как его учение есть подавление всяких страстей в человеке и должно послужить причиной его гибели вследствие погашения потомства. Так он надеялся достигнуть небытия, нирваны, вечного спокойствия. Мы указали, к чему это приводит (см. «Этику»).

У Лейбница Бог представляет, очевидно, порождение самого Космоса, хотя он это непоследовательно и отрицает в своей философии. Действительно, он допускает совершенствование монад. Почему же тогда одной из них не достигнуть полного совершенства и не стать Богом? Он отрицает это, очевидно, из религиозных побуждений.

Конечно, где истина, никто не знает.

Все эти три представления о божестве, по-видимому, не составляют одного целого. Действительно, что общего между